

Научная статья

УДК 81-119

DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-184-204

На пути к поэтической прагматике

Владимир Валентинович Фещенко

Институт языкознания Российской академии наук

Москва, Россия

takovich2@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1323-4220>

Аннотация

На пересечении лингвистики, лингвофилософии и теорий литературы в настоящее время формируется особое направление, которое можно назвать *прагматикой художественных дискурсов*, включающее в себя изучение лингвопрагматических параметров дискурсов прозы, поэзии, драмы, театра, кино, перформанса, песни и т. д. Данная статья посвящена предыстории и современному состоянию прагматических подходов к *поэтическому дискурсу*. В течение XX в. складывались теории художественного дискурса, намечающие перспективу лингвопрагматического подхода к поэтическому тексту, т. е. подхода, при котором поэтическое высказывание рассматривается как действие, осуществляемое при помощи слов. Приводится экскурс в четыре национальных традиции *поэтической прагматики*: русскую (В. Н. Волошинов, Ю. С. Степанов и др.), французскую (Э. Бенвенист), немецкую (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер) и англо-американскую (Дж. Сёрль, Т. Ван Дейк и др.). Отмечаются точки пересечения литературоведческого и лингвистического анализа прагматики поэтического дискурса.

Ключевые слова

лингвистическая прагматика, поэтический дискурс, высказывание

© Фещенко В. В., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 184–204

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 2, pp. 184–204

Для цитирования

Фещенко В. В. На пути к поэтической прагматике // Критика и семиотика. 2025. № 2. С. 184–204. DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-184-204

Towards Poetic Pragmatics

Vladimir V. Feshchenko

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

takovich2@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1323-4220>

Abstract

At the intersection of linguistics, philosophy of language and literary theories, a special direction is currently being formed, which can be called the *pragmatics of artistic discourses*, including the study of linguopragmatic parameters of the discourses of prose, poetry, drama, theater, cinema, performance, song, etc. This article is devoted to the prehistory and current state of pragmatic approaches to *poetic discourse*. During the twentieth century, theories of artistic discourse were formed, outlining the prospects of a linguopragmatic approach to a poetic text, i.e. an approach in which a poetic utterance is considered as an action carried out with the help of words. An excursion into four national traditions of *poetic pragmatics* is given: Russian (V. N. Voloshinov, Yu. S. Stepanov, etc.), French (E. Benveniste), German (M. Heidegger, H.-G. Gadamer), and Anglo-American (J. Searle, T. Van Dijk, etc.). The points of intersection of literary and linguistic analysis of the pragmatics of poetic discourse are noted.

Keywords

linguistic pragmatics, poetic discourse, utterance

For citation

Feshchenko V. V. Towards Poetic Pragmatics. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2025, no. 2, pp. 184–204. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-2-184-204

К 95-летию Юрия Сергеевича Степанова

Прагматика является одновременно семиотическим учением об отношении знаков к субъектам, которые ими пользуются, и *измерением* естественного языка, связанным с этими субъектными отношениями. Распространение прагматического метода и прагматической терминологии в лингвистике, философии языка и общественных науках было и остается результатом междисциплинарных трансферов. Взаимодействующие в поле прагматики дисциплины включают риторику и стилистику, философию языка и логическую философию, психологию и социологию, культурологию и этнологию, кибернетику и теорию информации, лингвистику и теорию коммуникации, литературоведение и теорию искусства.

Прагматика как направление в изучении языка и дискурса имеет к настоящему времени прочные дисциплинарные и междисциплинарные традиции. Вместе с тем в последнее время развиваются новые направления прагматических исследований: прагматическая стилистика, когнитивная прагматика и полимодальная прагматика, корпусная прагматика, прагматическая семантика, а также экспериментальная прагматика, межкультурная прагматика, прагматика перевода и др. На пересечении лингвистики, лингвофилософии и теорий литературы формируется особое направление, которое можно назвать *прагматикой художественных дискурсов*¹, включающее в себя изучение лингвопрагматических параметров дискурсов прозы, поэзии, драмы, театра, кино, перформанса, песни и т. д. Данная статья посвящена историко-теоретическим предпосылкам поэтической прагматики как современного направления филологических исследований.

К лингвистическому изучению прагматического измерения художественного дискурса наука начала подступать лишь в последние десятилетия. Тем не менее, для такого изучения должны были сложиться предпосылки в истории лингвистических идей. Вопрос о статусе эстетического опыта в языковой деятельности поднимался в разные эпохи отдельными намеками философского характера, как, к примеру, у немецких романтиков, раз-

¹ См. статьи предыдущего выпуска журнала «Критика и семиотика» (№ 1, 2025) на тему «Прагматика художественных дискурсов», а также специальный блок на эту тему в журнале «Новое литературное обозрение» (№ 2, 2016, составители П. Арсеньев, Д. Бреслер).

мышлявших о «языке искусства» как метафоре. Романтики действительно сделали важные шаги по осмыслению языка как творческого медиума в поэзии, что позволяет современным исследователям говорить даже о «перформативном» измерении слова как действия в трудах романтиков².

В течение XX в. складывались теории художественного дискурса, намечающие перспективу лингвопрагматического подхода к поэтическому тексту, т. е. подхода, при котором поэтическое высказывание рассматривается как действие, осуществляемое при помощи слов. Мы коснемся четырех групп таких теорий, каждая из которых связана с национальной традицией в лингвистике, поэтике и философии языка, – русской, французской, немецкой и англо-американской. Начнем с той, которая хронологически предшествует остальным и во многом их предвосхищает, а именно с русской философии языка.

Русская теория

Еще до того, как термин «дискурс» обосновывается в науке, вокруг подобного явления в области языка развивает свою теорию высказывания В. Н. Волошинов, а М. М. Бахтин применяет ее на материале романских текстов. Книга «Марксизм и философия языка» ставит одной из целей описать природу высказывания как основы социального «речевого взаимодействия». Тем самым делается решающий шаг по сравнению с теорией Ф. де Соссюра – живая речь индивидуумов в социуме признается главным языковым фактом: «Действительной реальностью языка-речи является не абстрактная система языковых форм и не изолированное монологическое высказывание, и не психофизиологический акт его осуществления, а социальное событие речевого взаимодействия, осуществляемое высказыванием и высказываниями» [Волошинов, 1929, с. 113].

Типами высказываний Волошинов и Бахтин признают «речевые жанры» как «формы речевого общения». Примечательно, что задолго до Дж. Остина такие «речевые жанры» именуются также «речевыми актами» (буквальное совпадение с термином *speech act*). В книге Волошинова возникает понятие *художественного высказывания* как непосредственной предпосылки того, что позднее будет названо художественным дискурсом: «Формы художественного высказывания – произведения – можно понять

² Esterhammer A. The Romantic Performative. Language and Action in British and German Romanticism. Stanford, 2002.

лишь в единстве литературной жизни, в неразрывной связи с другими литературными же формами» [Волошинов, 1929, с. 80]. В более ранней статье Волошинов [1926] вводит еще более актуальное для нас разделение «жизненного высказывания» и «*поэтического высказывания*»³: «Задачей нашей работы является попытка понять форму поэтического высказывания как форму этого особого эстетического общения, осуществленного на материале слова. Но для этого нам придется более подробно разобрать некоторые стороны словесного высказывания вне искусства – в обычной *жизненной речи*, так как уже в ней заложены основы, потенции (возможности) будущей художественной формы. Социальная сущность слова выступает здесь яснее, отчетливее, и легче поддается анализу связь высказывания с окружающей социальной средой» [Там же, с. 249].

У Волошинова формируется социально ориентированная концепция языка, в том числе языка художественного. А художественная коммуникация (в терминах того времени – «общение») выделяется наряду с другими типами общения: производственного, делового, бытового, идеологического. Художественное общение – «особый тип общения, обладающий собственной, только ему свойственной формой. Понять эту особую форму социального общения, реализованного и закреплённого в материале художественного произведения, и является задачей социологической поэтики» [Там же, с. 248]. Художественное произведение, согласно Волошинову, становится таковым только «в процессе взаимодействия творца и созерцателя как существенный момент в событии этого взаимодействия» [Там же]. Своеобразие эстетической коммуникации видится в художественных задачах, отличных, например, от задач в коммуникации политической или рекламной. Этот подход был вскоре, в тридцатые годы, раскритикован официальной советской лингвистикой и оценен по достоинству только во французской школе анализа дискурса 1960-х гг., в поздних статьях Р. О. Якобсона и в Московско-Тартуской семиотической школе в 1970-е.

Важным шагом в ранней отечественной философии языка становится также разграничение философом Г. Г. Шпетом эстетического и внеэстетического в анализе повседневного («прагматического», в его терминологии) и поэтического языка. Поэтический (художественный) язык, в отличие от языка прагматического (научного или обыденного), на первый план выдвигает не прагматические цели, а «свои собственные внутренние цели

³ См. о современных прагматических концепциях языка как отголосках идей бахтинского круга в [Алпатов, 2005].

саморазвития», считает философ: «Направленность художественного творчества на самого себя, а не на прагматические цели, только в том и состоит, что оно неизменно, как свою внутреннюю форму, имеет в виду сами эти отношения. Они – подлинный объект и руководящая идея поэтического творчества» [Шпет, 1925, с. 143]. Шпет же одним из первых в трактате «Эстетические фрагменты» (1922) заговорил о коммуникативной природе слова и языка, а также о трех функциях слова – «семантической», «экспрессивной» и «дейктической». К сфере дейктической функции он отнес то, что в прагмалингвистике затем будет именоваться перформативами: указания, призывы, приказы, мольбы и т. д.

Вопросами дейксиса в поэтическом языке интересуются уже на новом этапе во второй половине XX в. русские ученые-лингвисты. В рамках теории языка синтез прагматически ориентированных философий языка осуществляется в книге [Степанов, 1985]. Выражение прагматического подхода к языку здесь формулируется в понятии «дектики». Степанов производит этот термин от неродственного «дейксису» (от греч. *deiknumi* – «указываю»), но близкого ему по звучанию греческого слова *dechomai* («принимаю в себя», «воспринимаю»). Тем самым термин «дейксис» как бы наполняется своей внутренней формой, объединяя смыслы «указательности» и «присваивания» языка говорящим. Дектикой называется то измерение языка, которое связано с отношением слова к субъекту речи. Для такой парадигмы важнейшим оказывается понятие «субъекта». К разграничению «слоев» субъекта Степанова подталкивает опыт литературы, в частности расслоение авторского «я» в нарративе М. Пруста. Здесь, в этой же монографии дается намек на существование особой, «дектической» поэтики в литературе Нового времени.

О функциях шифтеров в поэтическом языке пишет также Вяч. Вс. Иванов, приводя случаи дейктического выражения категории «определенности-неопределенности». Он же отмечает возросшую роль дейксиса в поэзии XX в., которая сосредоточена на «выражении личности поэта в минуту самого акта поэтической речи» [Иванов, 1979, с. 106]. В рамках коммуникативной лингвистики И. И. Ковтунова рассматривает местоименную поэтику как преимущественно лирико-поэтическую разновидность дейксиса. Согласно ее подходу, «дейктические местоимения в поэтических текстах, устанавливая точку зрения воспринимающего, создают образ восприятия мира» [Ковтунова, 1986, с. 26]. В этом направлении были пред-

приняты некоторые конкретные попытки анализа форм присутствия субъекта в поэтическом высказывании⁴.

Французская теория

Выступления Р. О. Якобсона начала 1960-х гг. по проблемам лингвистической поэтики, а также переводы на французский язык работ М. М. Бахтина возбуждают интерес к художественному дискурсу даже у тех ведущих исследователей языка, которые, казалось бы, были далеки от вопросов поэтики. Показательным случаем такого интереса были обнаруженные лишь недавно в архиве материалы Э. Бенвениста, касающиеся анализа поэтического языка. Они представляют собой оставшиеся в рукописях записи последних сознательных лет жизни французского теоретика языка с анализом поэтического творчества Ш. Бодлера и набросками пионерской для того времени теории поэтического дискурса. Попытка Бенвениста создать оригинальную теорию поэтического высказывания опередила время, а в чем-то наметила и до сих пор не осознанные в лингвопоэтике аспекты языка поэзии.

В своем поэтологическом труде Бенвенист ставит проблему поэзии как особого дискурса: «Стихотворение – это особое высказывание. Оно формирует уникальный дискурс, состоящий из слов, соединяемых в нем в первый и единственный раз»⁵ (цит. по [Laplantine, 2008, p. 272]). Достаточно четко различается «поэтический дискурс» как «реализация» и «поэтический язык» как «язык эмоции»: «Сама природа поэтического языка – языка эмоции – позволяет реализации поэтического дискурса принимать модальности, совершенно не свойственные артикуляциям дискурса в обыденном языке» [Ibid., p. 273]. Поэзии свойственна и особая субъективность, утверждается в рукописи о Бодлере. Далее Бенвенист говорит об особой «поэтической коммуникации» (именно так называется один из разделов манускрипта): «Самое важное в изучении поэтического языка – это поэтическая коммуникация, ее природа, ее уровни, ее структура» [Ibid., p. 107]. Поэт адресуется к слушателю, а не к собеседнику, а значит, коммуникация протекает иным образом.

⁴ См. на эту тему современный сборник статей: *Шталь Х., Евграшкина Е.* (ред.). Субъект в новейшей русскоязычной поэзии. Bern, 2018.

⁵ Здесь и далее переводы из Э. Бенвениста мои. – В. Ф.

В рукописи также поднимается вопрос о природе «поэтического высказывания» и «поэтического сообщения». Поэтическое высказывание, читаем здесь, – совершенно иной тип высказывания, чем в обыденном языке. Оно состоит из «*вербализованной эмоции*» (цит. по [Laplantine, 2008, p. 199]) и «не отсылает ни к чему, кроме самого себя» [Ibid., p. 11]. Другой его актуальной идеей стоит признать положение о поэтическом высказывании как «действии». Поэтический язык, пишет он, «направлен не на *говорение (dire)*, а на *делание (faire)*»⁶.

Как нам представляется, главный результат пионерского, но незавершенного проекта Бенвениста – это очертания концепции поэтического дискурса, не имевшей аналогов на момент ее формулировки. Убеждение французского теоретика в необходимости пересмотреть весь лингвистический аппарат применительно к изучению поэтического языка и выработать свои дефиниции в этой области актуально и сегодня. Рукопись о языке Бодлера показывает, что подход к литературному корпусу поэта не является одним из применений лингвистической теории, а должен быть комплексным вопросом к лингвистике о статусе поэтического дискурса и конкретного поэтического произведения, которые, со своей стороны, ставят под вопрос принятые категории лингвистического анализа. Речь идет о критическом подходе к таким понятиям, как коммуникация, референция, высказывание, сообщение, знак и т. п. в их проекции на поэтический дискурс в его специфике и антропоцентрической установке⁷.

Формулировка Бенвенистом теории поэтического дискурса совпала по времени и по существу с очередной – акционально-прагматической – фазой лингвоэстетического поворота и в самой художественной практике⁸.

⁶ Чуть позднее, в 1970-е гг., с опорой на труды Бенвениста французский лингвист О. Дюкро разработал концепцию «высказывания», сопоставимую с теориями Дж. Остина и П. Грайса.

⁷ См. подробнее о теории поэтического дискурса Э. Бенвениста в [Фещенко, 2018]. Французская традиция литературной прагматики освещается в работах: Maingueneau D. *Pragmatique Pour Le Discours Littéraire*, Paris, Bordas, 1990; Gouvard J.-M. *La Pragmatique. Outils pour l'analyse littéraire*, Paris, Armand Colin, 1998. О французской прагматической традиции в языкознании см. также книгу Л. П. Рыжовой «Французская прагматика» (2007).

⁸ См. об этом в контексте лингвистики и художественной практики в [Фещенко, 2020].

Немецкая теория

К другому важному направлению в изучении художественного дискурса во второй половине XX в. стоит отнести феноменологически-герменевтический подход, ассоциируемый главным образом с немецкой философией языка М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера. Если язык, согласно М. Хайдеггеру, есть дом бытия, то поэзия – это «слово бытия». Инструментальный подход к поэтическому языку, характерный для формальной и структурной лингвистики, уступает место «онтологической» установке. Язык поэзии рассматривается как «фундаментальный экзистенциал» человеческого бытия. В этом смысле реанимируются идеи Гумбольдта о творческой энергии языка, направленной на активное преобразование мира. Смысл поэтического слова, по Хайдеггеру, в отличие от слова бытового, состоит в *событии* стихотворения как единства сказанного и несказанного. Переворачивается само отношение поэзии к языку. Поэтический язык понимается как фигуральный язык, причем фигуральность не следует понимать как отклонение от нормы обыденного языка, скорее, в нашей повседневной речи происходит отклонение от изначального языка (изл. по [Козлова, 2015, с. 32]).

В сочинениях немецкого философа о поэзии повторяется мысль о динамическом отношении между миром и вещами, которое в поэтическом тексте реализуется через ритм как эстетическую форму в движении. Поэзия отличается от мышления тем, что «находится на службе у языка совершенно иным и особым образом» [Хайдеггер, 1993, с. 123]. Поэтому философ призывает особым образом, поэтически, читать поэзию и философствовать о поэзии, чтобы не повредить сокрытую «замкнутость» стихотворения. Философский дискурс у самого Хайдеггера наделяется поэтическими свойствами, такими как, например, тавтологичность, соответствующая установке на самореференцию в поэзии. Тавтологичные утверждения, подобные «Die Sprache spricht» (в русском переводе традиционно нарушается эта тавтологичность в форме «Язык говорит»), очень частотны в поздних текстах философа. Приведем для иллюстрации следующий фрагмент: «Сочинением поэт воображает прообразы наших представлений. В говорящей поэзии высказывается поэтическая способность воображения. Говор поэзии есть то, что выговаривается поэтом. Это выговаривание говорит выговариванием его содержания. Язык поэзии – это разнообразное выговаривание» [Хайдеггер, 1991, с. 9].

Этот экзистенциальный подход к поэтическому языку перенимается у Хайдеггера его учеником Х.-Г. Гадамером, принимая форму герменевтики поэтического текста. Интересуясь, как и Хайдеггер, соотношением философского мышления и поэтического творчества, Гадамер задается вопросом о разнице «языка искусства» и «языка понятий»: «Там, где средством коммуникации служит язык, возникает вопрос об отношении философии и языковых форм искусства. Как соотносятся друг с другом обе эти предельные и вместе с тем контрарные формы употребления языка – замкнутый на себя поэтический текст и сам себя упраздняющий, выходящий за пределы всякой событийности язык понятия?» [Гадамер, 1991, с. 119]. Понимая искусство как высказывание (отчасти аналогично концепциям В. Н. Волошинова и Э. Бенвениста), Гадамер считает особенностью поэтического высказывания большую открытость по сравнению с обыденной речью. Эта открытость открывается в акте чтения, вслушивания в поэтический текст и его толкования (того, что называется «круг понимания»): «Одной из ключевых идей в герменевтике Гадамера является тезис о поэтическом слове как исполнении (Vollzug). Искусство, пишет он, состоит в исполнении. Понятие исполнения объясняется аристотелевской (но и гумбольдтовской) концепцией энергий как движение, имеющее свою цель в самом себе. Как и для Хайдеггера, художественное произведение – это событие. Событие проявляется в исполнении, а исполнение – в истолковании текста, каждый раз уникальном, порождающем новый смысл: «подлежащий пониманию текст обретает конкретность и завершенность лишь в истолковании» (цит. по [Козлова, 2015, с. 79]). Внимание к «событийности» художественного и поэтического высказывания у двух немецких философов языка, таким образом, концептуально соотносится с лингвистическими и литературоведческими исследованиями «поэтического дискурса» и «поэтической прагматики».

Англо-американская теория

В основу перформативного поворота 1950–1960-х гг. преимущественно в англо-американской традиции ложится понимание языкового высказывания как действия, меняющего обстоятельства мира и коммуникации. Если интерпретационизм в науках о языке во многом был инспирирован философской герменевтикой (от В. Дильтея до П. Рикёра), то истоки перформативного поворота находятся полностью в сфере аналитической философии языка. Важнейшую роль в этом прорыве сыграли философские

исследования Л. Витгенштейна, в особенности позднего периода. Представление о языке как «форме жизни», реализующейся в многообразных «языковых играх», перевернуло сосюрровский статический взгляд на язык как систему. Отголоски витгенштейновских идей сказались и на художественной теории и практике: с 1950-х гг. концептуализм в искусстве и литературе черпал свои идеи у философов языка прагматической направленности. Однако идея перформативов в литературе была развита несколько позднее уже в рамках науки о литературе.

У родоначальника лингвистической прагматики Дж. Остина мы не встречаем каких-либо значимых соображений о природе поэтического высказывания. Вводя свою классификацию «речевых актов», он специально оговаривает, что «поэтическое использование языка» не может являться иллокутивным. Более того, Остин, кажется, даже посмеивается над попытками интерпретации поэтического высказывания в терминах философии языка. Анализируя фразу *Go and catch a falling star* из стиха Дж. Донна, он недоумевает как возможно вообще осуществление подобного действия – «поймать падающую звезду». И даже уничижительно называет это «паразитическим, несерьезным и ненормальным употреблением языка», вменяя это, например, У. Уитмену, который «призывает парить орла свободы» [Austin, 1962, p. 104]. На этом размышление Остина о поэзии останавливается. Тем не менее, его теория уже спустя несколько десятилетий вдохновила исследователей на изучение речевых актов в изобразительном искусстве и литературе.

Отметим отдельно несколько попыток применения теории речевых актов к художественным текстам. Последователь Дж. Остина американский философ языка Дж. Сёрль посвятил одну из статей логическому статусу фикционального дискурса [Searle, 1975]. На самом деле в ней идет речь отнюдь не о художественном дискурсе литературы, а о дискурсе «вымысла» (fiction). Сёрль проводит четкое различие между фикциональным (fictional) и литературным (literary) дискурсами. Отмечается, что не всякая «фикция» является литературой. И внимание здесь уделяется скорее нелитературным формам фикции. Сёрль не анализирует литературные речевые акты, считая анализ литературы с этой точки зрения бесперспективным. Предполагается, что статус текста как литературного определяется читате-

лем, а не автором, а значит, литература как таковая не содержит «речевых актов»⁹.

По Сёрлю, нет границы между литературностью и нелитературностью. Различая «фикциональные» (порожденные вымыслом, в том числе литературным) и «серьезные» (обыденные и научные) высказывания, философ не признает литературу «серьезным» дискурсом. Таким образом, «литературный» дискурс в действительности не интересует Сёрля. Отметим, что перевод этой его статьи на русский язык [Сёрль, 1999] вводит в заблуждение. *Fictional discourse* здесь некорректно переводится как «художественный дискурс». Совсем наоборот, Сёрль противопоставляет «фикциональный» дискурс «притворного вымысла» художественному «дискурсу литературы». В понятие *fictional* не вкладывается ни грамма смысла «художественности». Разграничение между «художественным вымыслом и литературой» в существующем русском переводе должно быть исправлено на различие между «вымыслом» и «художественной литературой». Именно такую дистинкцию проводит американский философ, по сути, не говорящий ничего о природе именно «литературного дискурса». Единственным, пожалуй, актуальным для современного состояния лингвистики положением этой статьи остается тезис об особой референциальности в «вымышленных» и «серьезных» высказываниях. Само разграничение «серьезности» и «несерьезности» разных видов дискурсов кажется сильно устаревшим.

Еще один пример не вполне оправдавшей себя попытки применения прагматической теории к литературному дискурсу представляет собой работа [Pratt, 1977]. В ней предлагается оспорить всякое разграничение между поэтическим и непоэтическим языком и абсолютно уравнивать высказывания в литературных текстах с высказываниями в естественной речи. Соответственно, предлагается игнорировать любые эстетические факторы построения текста и читать литературное произведение, как если бы оно было обычным речевым потоком. При этом характерно, что среди анализируемого материала здесь мы не находим ни одного примера стихотворного (поэтического *sui generis*) текста. Яростно опровергая яacobсоновскую

⁹ Ср. с позднейшими попытками продуктивно исследовать речевые акты в нарративных текстах в книгах С. Петри *Speech Acts and Literary Theory* (1990), Дж. Хиллис Миллера *Speech Acts in Literature* (2001). См. также исследование «голосов» в литературном тексте с точки зрения прагматики в книге Дж. Мея *When voices clash: A study in literary pragmatics* (1999).

теорию коммуникации и функций (и главным образом теорию поэтической функции), автор почему-то привлекает к анализу именно непозитивский материал, тем самым дискредитируя свои намерения.

Вообще, такой подход связан с учредившейся начиная с 1970-х гг. тенденцией в англо-американской филологии и стилистике анализировать текст с позиции «наивного читателя». Это чисто рецептивный подход к описанию текста, сознательно элиминирующий авторские интенции, формальную структурность и эстетические параметры порождения и восприятия художественного произведения. При этом он находится в эксплицитной оппозиции к лингвопоэтическому методу, восходящему к русской, а позднее пражской и парижской теориям поэтического языка. Свидетельство этой тенденции – другой сборник по «литературной прагматике»¹⁰, статьи которого в большинстве своем повествуют скорее о рецептивной интерпретации, нежели о порождающей действительности литературного дискурса.

Более, как нам кажется, взвешенный и комплексный подход к прагматике литературного дискурса применяется Т. Ван Дейком в цикле работ по «литературной прагматике». «Литературная коммуникация», считает он, подразумевает, что в случае художественной литературы мы имеем дело не только с текстом, но с процессом производства и интерпретации как социальным действием. На структуру художественного текста влияют специфические условия его восприятия, хранения в памяти и специфические знания, представления, нормы, оценки. Особенно подчеркивается роль эстетики в литературной коммуникации: «Эстетика литературной коммуникации – это сложная функция когнитивных и аффективных структур» [Van Dijk, 1980, p. 6]. Ван Дейк задается вопросом, к которому опасались приблизиться Остин и Сёрль: каким речевым актом является производство литературного текста?

Текст, согласно голландскому лингвисту, является макроречевым актом, состоящим из предложений – микроречевых актов. Однако делается вывод, что литературные речевые акты мало чем отличаются от обычных; они лишь по-иному взаимодействуют на микроуровне текста, в отличие от обыденной речи. С другой стороны, специфику литературы Ван Дейк видит в особой социальной роли автора и читающей публики (в этом его сходство с идеями В. Н. Волошинова). Литературному дискурсу приписывается «ритуально-иллюкаторная сила». Вообще, Ван Дейк отождествляет

¹⁰ Sell R. (ed.). *Literary Pragmatics*. London, 1991.

функцию, исполняемую литературным дискурсом, с тем, что он называет «ритуальной функцией», что довольно спорно. Ритуал как культурная практика все-таки имеет отличные от авторски-художественных актов целеполагающие и процессуальные особенности. Отлична, как представляется, и субъективность ритуального и художественного действия, хотя иногда они могут накладываться друг на друга (например, в некоторых практиках «заклинательной поэзии»). В этой связи Ван Дейк справедливо указывает на особую «дейктическую экспрессию» литературного дискурса.

В труде [Van Dijk, 1972] формулируются основные принципы «грамматики текста», строящейся не на анализе предложений, а на анализе высказываний (*utterances*). Текст понимается как базовая лингвистическая единица дискурса, состоящего из языковых высказываний. Отталкиваясь от правил генеративной грамматики, Ван Дейк разрабатывает методику анализа поверхностных и глубинных структур текста. Отдельная методика предлагается для анализа литературного текста (как поэтического, так и нарративного). Главная задача – выяснение отношений между литературными структурами и общелингвистическими структурами в художественных текстах, т. е. между литературной грамматикой текста и общей грамматикой текста. От теории «литературной коммуникации» как «текстовой коммуникации» ученый приходит к «теории литературного речевого акта» (*performance*). Важным достижением является и попытка описания основ «литературной прагматики». Хотя именно этот последний аспект Ван Дейком на практике не разрабатывается, сама постановка вопроса открывает новую перспективу прагматического изучения литературы.

Среди современных прагматически ориентированных поэтических теорий упомянем также когнитивную перспективу изучения дейксиса в поэзии. В когнитивной поэтике дейксис рассматривается как один из способов репрезентации знания. Так, П. Стокуэлл в труде *Cognitive Poetics: an Introduction* (2002) разделяет текстовый дейксис и когнитивный дейксис. Теория дейктических сдвигов (*deictic shifts theory*) моделирует общее восприятие читателя, «погружающегося» в литературный текст, как того читателя, который занимает определенную познавательную позицию внутри мысленно конструируемого мира текста¹¹. Интересна также попытка кон-

¹¹ См. подробнее о когнитивно-лингвистических подходах к литературному тексту в [Фещенко, 2019].

версационного анализа поэтического текста в книге под редакцией Р. Персона и др. *Bridging the Gap Between Conversation Analysis and Poetics. Studies in Talk-In-Interaction and Literature Twenty-Five Years after Jefferson* (2023).

Заключение

В настоящее время литературная прагматика и прагматика лингвистическая находятся в поиске точек соприкосновения. Изучаются интерфейсы между прагматической теорией и литературным анализом¹²; а также – в рамках семиотики и философии языка – динамические интерфейсы между семантикой и прагматикой¹³; исследуется прагматическая стилистика текста¹⁴.

Лингвистическая прагматика достигла существенных успехов в понимании того, как (с помощью каких языковых средств) осуществляется речевая коммуникация в повседневной жизни. Вместе с тем в лингвистике ведутся споры о различных принципах рубрикации и классификации прагматических маркеров: речевых актов, дискурсивных слов, дейктических единиц и т. п. Совсем малоисследованной остается лингвопрагматика в дискурсах эстетической направленности: художественной литературе, сценических искусствах, кинематографе, а также перформативных и дигитальных вербальных арт-практиках последнего времени. В самые послед-

¹² Например, в сборнике под ред. С. Чапмана и Б. Кларка *Pragmatics and Literature* (2019) и в статьях Т. Д. Венедиктовой: Литературная прагматика (Новое литературное обозрение, 2015, № 5 (135)); Литературная прагматика вчера и завтра (Критика и семиотика, 2025, № 1). См. также о лингвистической перспективе прагмалитературного анализа: *Kanhaiya Kumar Sinha. The Role of Pragmatics in Literary Analysis: Approaching Literary Meaning from a Linguistic Perspective // International Journal of English and Comparative Literary Studies* 2(2):29-40.

¹³ См. [Золян и др., 2024]. В книге в том числе анализируются примеры литературного и поэтического дискурса как феномены «смысловых каскадов».

¹⁴ См. [Киклевич, 2025]. Заявленная в этой работе проблематика речевых актов в эстетической коммуникации, впрочем, не оправдывает ожиданий с точки зрения лингвистической или литературной прагматики; на деле под «речевыми актами» здесь понимается все что угодно – от лексем и идиом до жанров текста и функциональных стилей. Монография уделяет второстепенное внимание художественным дискурсам; скорее она исследует художественный стиль речи в самых разных дискурсах.

ние годы, с развитием корпусных и корпусно-дискурсивных методов лингвистического и литературного анализа, появляются работы о прагматических единицах в литературном дискурсе¹⁵; ведутся лингвистические исследования поэтической прагматики¹⁶. Прагматическая установка на изучение субъективности, акциональности, перформативности текста уже в рамках цифровых методик продолжает открывать новые перспективы на стыке лингвистического, литературоведческого и семиотического анализа.

В качестве эпилога к нашему разговору о поэтической прагматике приведем фрагмент стихотворения Аркадия Драгомощенко 1980-х гг., составленного из дейктических слов в особой визуальной композиции. Строчка (*Уроки Ю. С. Степанова*) удивительным образом обнаруживает следы прочтения известным русским авангардным поэтом семиотических трудов ученого-лингвиста. Лингвистическая прагматика здесь оказывается «впечатанной» в поэтический текст еще и на метауровне:

«Здесь»
«Я»
«Сейчас»
«Ты»

«Там»
«Тогда» --

вероятный процесс
извлечения «себя» из языка,
/извлекаемого из «себя»/
(Уроки Ю.С. Степанова)

Странствующая ось,
Плавающие углы.

Речь пробивает в бессмертии
первую брешь. Что кроется
за словами, которыми

¹⁵ См., в частности, о дискурсивных словах в корпусе прозы [Ружицкий, 2025] и прагматических единицах в современной поэзии [Соколова, Фещенко, 2024], о речевых актах в поэтическом дискурсе [Соколова, Захаркив, 2025].

¹⁶ [Соколова, Захаркив, 2025].

по телефону обмениваются
мужчина и женщина?

... и до них.
Дыхание ¹⁷.

Список литературы

- Алпатов В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005. 432 с.
- Волошинов В. Н.* Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Звезда. 1926. № 6. С. 244–267.
- Волошинов В. Н.* Новейшие течения лингвистической мысли на Западе // Литература и марксизм. 1928. № 5. С. 115–149.
- Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л.: Прибой, 1929. 188 с.
- Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 370 с.
- Золя С. Т., Тульчинский Г. Л., Чернявская В. Е.* Прагмасемантика и философия языка / Под ред. С. Т. Золяна. М.: ЯСК, 2024. 328 с.
- Иванов Вяч. Вс.* Категория определенности-неопределенности и шифтеры // Категория определенности-неопределенности в славянских и балтийских языках. М.: Наука, 1979. С. 95–99.
- Киклевич А. К.* Эстетика и прагматика. Эстетические речевые акты. СПб.: Алетейя, 2025. 400 с.
- Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
- Козлова М. В.* Концепции поэтического языка в эстетике двадцатого века: Хайдеггер, Гадамер, Бадью: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2015. 146 с.
- Ружицкий И. В.* Модальные частицы и междометия в произведениях художественной прозы Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 75–93.
- Сёрль Дж.* Логический статус художественного дискурса // Логос. 1999. № 3. С. 33–47.
- Соколова О. В., Захаркив Е. В.* Прагматика и поэтика. Поэтический дискурс в новых медиа. М.: НЛЮ, 2025. 328 с.

¹⁷ Стихотворение впервые опубликовано в самиздатском журнале «Часы» № 58 за 1985 г.

Соколова О. В., Фещенко В. В. Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 3. С. 706–733.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.

Фещенко В. В. Эмиль Бенвенист – теоретик поэтического дискурса // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 226–237.

Фещенко В. В. Из истории когнитивно-лингвистических подходов в отечественной и зарубежной поэтике // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 95–112.

Фещенко В. В. Лингвоэстетический поворот в теории языка и художественном языковом эксперименте: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: ИЯЗ РАН, 2020. 450 с.

Хайдеггер М. Язык. СПб.: Эйдос, 1991. 21 с.

Хайдеггер М. Что это такое – философия? // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 113–123.

Шнег Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта). М.: Гос. акад. худож. наук, 1927. 219 с.

Austin J. How to Do Things with Words. Oxford: Clarendon Press, 1962. 167 p.

Laplantine C. Emile Benveniste : poétique de la théorie. Publication et transcription des manuscrits inédits d'une poétique de Baudelaire. Thèse de Doctorat sous la direction de Gérard Dessons. P., 2008. 328 p.

Pratt M. L. Toward a speech act theory of literary discourse. Bloomington: Indiana Uni. Press, 1977. 256 p.

Searle J. R. The Logical Status of Fictional Discourse // New Literary History. 1975. Vol. 6, no. 2. P. 319–332.

Van Dijk T. Some aspects of text grammars. A Study in theoretical poetics and linguistics. The Hague: Mouton, 1972. 377 p.

Van Dijk T. The Pragmatics of Literary Communication // Forastieri-Braschi E., Guinness G. & Lopez-Morales H. (eds.). On Text and Context: Papers of the Int. Conference on Literary Communication (Rio Piedras, April, 1977), 3–16. Rio Piedras, PR: Editorial Universitaria, 1980. P. 3–16.

References

Alpatov V. M. Voloshinov, Bakhtin i lingvistika [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, 2005, 432 p. (in Russ.)

Austin J. How to Do Things with Words. Oxford, Clarendon Press, 1962, 167 p.

Feshchenko V. V. Iz istorii kognitivno-lingvisticheskikh podkhodov v otechestvennoi i zarubezhnoi poetike [From the history of cognitive-linguistic approaches in Russian and Western poetics]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2019, no. 2, pp. 95–112. (in Russ.)

Feshchenko V. V. Lingvoesteticheskii povорот v teorii yazyka i khudozhestvennom yazykovom eksperimente [Linguo-aesthetic turn in the theory of language and artistic language experiment]. Dr. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2020, 450 p. (in Russ.)

Feshchenko V. V. Emile Benveniste – teoretik poeticheskogo diskursa [Emile Benveniste – a theorist of poetic discourse]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2018, no. 2, pp. 226–237. (in Russ.)

Gadamer H.-G. Aktual'nost' prekrasnogo [The relevance of the beautiful]. Moscow, Iskustvo, 1991, 370 p. (in Russ.)

Heidegger M. Chto eto takoe – filosofiya? [What is this – philosophy?]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 8, pp. 113–123. (in Russ.)

Heidegger M. Yazyk [Language]. St. Petersburg, Eydos Publ., 1991, 21 p. (in Russ.)

Ivanov Vyach. Vs. Kategoriya opredelennosti-neopredelennosti i shiftery [The category of definiteness-indefiniteness and shifters]. In: Kategoriya opredelennosti-neopredelennosti v slavyanskikh i baltiyskikh yazykakh. Moscow, Nauka, 1979, pp. 95–99. (in Russ.)

Kiklevich A. K. Estetika i pragmatika. Esteticheskie rechevye akty [Aesthetics and pragmatics. Aesthetic speech acts]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2025, 400 p. (in Russ.)

Kovtunova I. I. Poeticheskii sintaksis [Poetic syntax]. Moscow, Nauka, 1986, 206 p. (in Russ.)

Kozlova M. V. Kontseptsii poeticheskogo yazyka v estetike dvadtsatogo veka: Heidegger, Gadamer, Badiou [Concepts of poetic language in the aesthetics of the twentieth century: Heidegger, Gadamer, Badiou]. Diss. Cand. Philos. Sci. Moscow, 2015, 146 p. (in Russ.)

Laplantine C. Emile Benveniste : poétique de la théorie. Publication et transcription des manuscrits inédits d'une poétique de Baudelaire. Thèse de Doctorat sous la direction de Gérard Dessons. Paris, 2008, 328 p.

Pratt M. L. Toward a speech act theory of literary discourse. Bloomington: Indiana Uni. Press, 1977, 256 p.

Ruzhitsky I. V. Modal'nye chastitsy i mezhdometiya v proizvedeniyakh khudozhestvennoi prozy F. M. Dostoevskogo: leksikograficheskoe predstavlenie [Modal particles and interjections in the works of fiction by F. M. Dostoevsky: lexicographic representation]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 75–93. (in Russ.)

Searle J. Logicheskii status khudozhestvennogo diskursa [The logical status of fictional discourse]. *Logos*, 1999, no. 3, pp. 33–47. (in Russ.)

Searle J. R. The Logical Status of Fictional Discourse. *New Literary History*, 1975, vol. 6, no. 2, pp. 319–332.

Shpet G. Vnutrennyaya forma slova (Etyudy i variatsii na temy Gumbol'dta) [Inner form of the word (sketches and variations on Humboldt's themes)]. Moscow, 1927, 219 p. (in Russ.)

Sokolova O. V., Feshchenko V. V. Pragmaticheskie markery v sovremennoi poezii: korpusno-diskursivnyi analiz [Pragmatic markers in contemporary poetry: a corpus-based analysis]. *Russian Journal of Linguistics*, 2024, vol. 28, no. 3, pp. 706–733. (in Russ.)

Sokolova O. V., Zakharkiv E. V. Pragmatika i poetika. Poeticheskii diskurs v novykh media [Pragmatics and poetics. Poetic discourse in new media]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2025, 328 p. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva [In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. Moscow, Nauka, 1985, 335 p. (in Russ.)

Van Dijk T. Some aspects of text grammars. A Study in theoretical poetics and linguistics. The Hague, Mouton, 1972, 377 p.

Van Dijk T. The Pragmatics of Literary Communication. In: Forastieri-Bra-schi E., Guinness G. & Lopez-Morales H. (eds.). On Text and Context: Papers of the Int. Conference on Literary Communication (Rio Piedras, April, 1977). Rio Piedras, PR: Editorial Universitaria, 1980, pp. 3–16.

Voloshinov V. N. Marksizm i filosofiya yazyka. Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke [Marxism and the philosophy of language. The main problems of the sociological method in the science of language]. Leningrad, Priboi Publ., 1929, 188 p. (in Russ.)

Voloshinov V. N. Noveishie techeniya lingvisticheskoi mysli na Zapade [The latest trends in linguistic thought in the West]. *Literatura i marksizm*, 1928, no. 5, pp. 115–149. (in Russ.)

Voloshinov V. N. Slovo v zhizni i slovo v poezii. K voprosam sotsiologicheskoi poetiki [Word in Life and Word in Poetry. On the Issues of Sociological Poetics]. *Zvezda*, 1926, no. 6, pp. 244–267. (in Russ.)

Zolyan S. T., Tulchinsky G. L., Chernyavskaya V. E. Pragmasemantika i filosofiya yazyka [Pragmasemantics and philosophy of language]. Ed. by S. T. Zolyan. Moscow, 2024, 328 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Владимир Валентинович Фещенко, доктор филологических наук

Information about the Author

Vladimir V. Feshchenko, Doctor of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 11.05.2025;
одобрена после рецензирования 10.06.2025; принята к публикации 10.06.2025
The article was submitted on 11.05.2025;
approved after reviewing on 10.06.2025; accepted for publication on 10.06.2025*